

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

По мере становления дискурсного анализа как специальной области исследований выяснилось, что значение дискурса не ограничивается письменной и устной речью, но обозначает, кроме того, и внеязыковые семантические процессы. Дискурс, прежде всего, – это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст.

В этом плане главным является тезис о том, что человек обладает сознанием, т.е. «способностью идеального воспроизведения действительности в мышлении» [БЭС под ред. Прохорова, 1997, с.1121]. Эта способность обычно связана с речью и осуществляется с помощью языка. Кроме того, что человек говорит и слышит, он видит, воспринимает и ощущает. Эти данные нам способности как бы а priori предполагают наше существование в том виде, какие мы есть, не только в пределах нашего собственного «Я», в первую очередь телесного, но и того, что не является (или ещё не является) «Я». Эти способности предполагают наше существование как взаимодействие с неким «не-Я», включающим в себя *не только других людей* (и это очень важно в условиях всё более интенсивного вытеснения природного), но и весь окружающий мир со всем многообразием звуков, изображений, цвета, запаха, тепла-холода, слов, переживаний и т.д., т.е. всего того, что *постоянно ощущается, воспринимается*, но не обязательно проговаривается и осознаётся. Мир (на самом деле только часть мира, которую мы *воспринимаем*), физический и интерсубъективный, является более или менее обязательно воспринимаемым нами, как бы неустранимым для нас, и *поэтому* он есть *социальный мир*. Социальный в том смысле, в каком утверждал Дюркгейм, говоря о социальном явлении: «Оно (явление (а в нашем понимании - явленный нам мир)) всеобщо лишь потому, что социально (т.е. более или менее обязательно), а отнюдь не социально потому, что всеобщо» [Дюркгейм 2006, с.36].

Именно то, что человек есть *воспринимающее* существо, обладающее *сознанием и языком*, и то, что существует *мир*, обеспечивает, условно говоря, наше «раздвоение» вовнутрь и вовне: мы можем воспринимать, но также

мы можем и представлять. Средством *передачи* наших ощущений, восприятий и представлений, чувств, переживаний является язык как «некоторая реально существующая знаковая система, используемая в социуме в определённое время и в определённом пространстве» [Ухванова-Шмыгова 2000, с.473], обычно участвующий в актах сознания.

БЭС даёт следующее определение знака: «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет, явление, действие, который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения». Для нас важным является как раз то, что знак есть *чувственно воспринимаемый* предмет...и т.д. Само понятие знака и знаковой системы неотрывно связано с проблемой значения. Соссюр говорил о том, что *в жизни* мы признаём значение через видение вещей как знаков, которые могут быть определены как всё, что угодно, что может быть использовано для обозначения чего-то ещё. Знак выполняет в культуре человечества функцию посредника. Цель знаковой деятельности – передача определённого содержания, включающего, в первую очередь, и его ценностную значимость.

Если представить себе некую первозданную ситуацию взаимодействия «Я» и мира (во многом её редуцируя), то можно сказать, что это взаимодействие осуществляется в «пространстве» *от «не-Я» к «Я» в «не-Я»*. В такой «последовательности», условно говоря, в процессе восприятия *рождается* знак, который может при помощи языка воплотиться в слово-символ и функционировать в рамках некой intersубъективной реальности. Положения Л.С. Выготского, по существу, основаны на осуществлённой им «раскадровке» процесса возникновения и «жизни» знака. Приблизительно семь выделенных им стадий этого процесса он определял как стадии «внешнего» и «внутреннего» знака, а именно признавал за *восприятием и ощущением* некоторую первичность, возможно, ввиду которой, обязательной для всех, человек – существо социальное, как бы исходно, а в норме – существо социальное, ощущающее и воспринимающее других людей и мир. Эту мысль утверждает самое известное положение Л.С. Выготского о том, что «всякая функция (Выготский имел в виду психическую функцию) в культурном развитии ребёнка выходит на сцену дважды, в двух планах – вначале социальном, потом психологическом. Вначале между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребёнка как категория интрапсихическая». В этом плане становится понятным высказывание Выготского о том, что «слово есть конец, который венчает дело».

Фрейд свою работу «Психология масс и анализ человеческого Я» начинает, в принципе, с похожих рассуждений о первичности социального плана по отношению к психическому, но он называет отношение человека к его родителям и близким *социальным* феноменом, противопоставляя его другим *психическим* процессам, названным нарциссическими. Таким образом, в дословесной фазе взаимодействия «Я» и мира происходит образование понятий, и уже существуют смысл и значение, определяющие последующие

взаимодействия уже в фазе языкового словоупотребления. Возможно, в таком понимании эти взаимодействия в фазе языкового словоупотребления есть своеобразная языковая игра? Сам Витгенштейн говорил: «Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [Витгенштейн 2003, с.237]. Ключевыми являются слова: компонент и форма (только). В свою очередь, образование понятий – в свете герменевтики – всегда обусловлено, среди прочего, уже сложившимся словоупотреблением.

Когда мы говорим, что дискурс – это текст в социальном контексте, мы подразумеваем на самом деле то, что текст есть не только продукт языка, но продукт, в первую очередь, наших восприятий, ощущений, представлений, а так же чувств и переживаний, намерений, воплощённых в знаковой форме. В таком понимании текст, рассматриваемый в каузально-генетической теории И.Ф. Ухвановой-Шмыговой как знак (именно в силу того, что *любой* текст *создаётся и осуществляется человеком* так же, как и знак вообще (проходя, по Выготскому, приблизительно семь стадий)), и неизбежно содержит в себе «впечатления» от разного рода взаимодействий. Всякий текст – это всегда *сообщение*. Именно поэтому любой текст обладает некими универсальными характеристиками, определяющими то, что текст есть не только информация о том или ином предмете, явлении и т.д., но всегда сообщение кого-то, кому-то, с какой-то целью. В свою очередь, отправитель (адресант) и получатель (адресат) обладают определёнными характеристиками и т.д.

Так как текст – всегда сообщение, то для анализа текста может существовать определённый набор *универсальных* категорий анализа. Дискурскатегории, такие, как самоидентификация (автор текста может в нём репрезентировать себя); аудитория (текст может репрезентировать то, какой аудитории он адресован); миссия (текст может репрезентировать намерения автора); атрибутивность (текст может репрезентировать те или иные качества тех, о ком говорят, кому говорят и кто говорит) и т.д. – все они позволяют исследовать текст именно как коммуникативное событие. Если предмет анализа – это те или иные отношения между определёнными параметрами текста (внутризнаковые отношения) или между параметрами коммуникативного события, исследователь оперирует «признаками» самого текста или коммуникативного события как такового. В этом случае исследователя интересует сам знак или *уже (или ещё не-) реализованный* в языковой практике знак, но имеющий свою «предысторию» – социальный контекст как контекст своего рождения, всегда определяющий то, каким является знак, с одной стороны, и социальный контекст как контекст функционирования знака, с другой. Каузально-генетическая теория И.Ф. Ухвановой-Шмыговой основана на фиксации внимания на знаке как «остановившемся мгновении» процесса восприятия и языкового словоупотребления. Если предмет исследования есть *не* знак как таковой, а знак при этом является его своеобразным проводником, необходимо найти такие способы исследования знака, которые позволили бы

обнаружить то, что присутствует в тексте латентно, являясь, как правило, потенциальным, т.е. «сильным» в плане значения содержания.

Принцип дискурс-анализа заключается в том, что аналитику необходимо выбрать из арсенала «реальностей» (категорий анализа), находящихся у него в резерве (в сознании), ту, которая предположительно присутствует в контекстном резерве (осознаваемом или не осознаваемом) автора текста и может быть проявлена в речи. Выявление необходимого (контекстного) содержания – более широкого, латентного, потенциального, возможно за счёт проявления значений, возникающих в оппозиции к этой вводимой реальности. Т.е. контекстная реальность автора текста и вводимая контекстная реальность аналитика должны «пересечься», высвечивая значение, присутствующее в тексте.